

DOI: 10.31857/S013038640020235-6

© 2022 г. Т.Л. ЛАБУТИНА

## БРИТАНСКИЕ ПОСЛЫ-РАЗВЕДЧИКИ ПРИ ДВОРЕ АННЫ ИОАННОВНЫ

*Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока (Москва, Россия).*

*E-mail: tlabutina2007@yandex.ru*

*Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175*

**Аннотация.** В первой трети XVIII в. отношения между Россией и Великобританией оставались сложными. И хотя Россия в правление императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) пошла навстречу Британии: восстановила по ее просьбе дипломатические отношения, прерванные при Петре I, а также заключила в 1734 г. выгодный для англичан торговый договор, тем не менее официальный Лондон продолжал проводить далеко не дружественную политику в отношении Российской империи. Ярким тому подтверждением являлась разведывательная деятельность официальных представителей Великобритании — дипломатов, которую они вели при императорском дворе. Король Великобритании Георг II, направляя своих послов к месту назначения, настоятельно требовал от них собирать информацию обо всем увиденном в России. Он конкретно перечислял, на кого дипломаты должны были обратить свое внимание: российская императрица, ее министры и другие высокопоставленные чиновники, а также придворные и фавориты. Особый интерес британские власти проявляли к состоянию вооруженных сил государства. По возвращении на родину от послов ожидали подробного отчета обо всем, что они смогли увидеть и услышать при дворе. Опираясь на анализ дипломатической переписки послов с госсекретарем Великобритании, а также публицистические очерки некоторых из них, автор обращается к проблеме разведывательной деятельности британских послов при дворе Анны Иоанновны. Как выясняется, послы собирали информацию о высокопоставленных сановниках, приближенных к императрице, их пристрастиях и слабостях; о расстановке политических сил при дворе, а также о состоянии армии и флота. Следует отметить, что информаторами дипломатов нередко становились не только англичане, находившиеся на службе в России, но чаще всего сами высокопоставленные чиновники, готовые защищать британские интересы ради денежного вознаграждения или подарков. И мало кто из них задумывался, что, сообщая секретные сведения британским послам, они совершали государственное преступление, нанося вред своему Отечеству. Обращение к истории разведывательной деятельности официальных представителей Великобритании в России в первой трети XVIII в., прежде не являвшейся предметом специального исследования в исторической науке, позволяет раскрыть истинные цели британской дипломатии — изучение потенциального противника, какой ей в ту пору представлялась Российская империя.

**Ключевые слова:** Великобритания, Россия, XVIII в., Анна Иоанновна, дипломаты, разведка, армия, флот, чиновничество.

**T.L. Labutina****British Intelligence Ambassadors at the Court of Anna Ioannovna***Tatiana Labutina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: tlabutina2007@yandex.ru**Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175*

**Abstract.** In the first third of the eighteenth century, relations between Russia and Britain remained strained. Although Russia, under Empress Anna Ioannovna (1730–1740), welcomed Britain, restoring the diplomatic relations it had severed under Peter I and concluding a trade treaty favourable to the British in 1734, official London continued to pursue a policy far from friendly towards the Russian Empire. The intelligence activities of the British official diplomats at the Imperial Court were a vivid illustration of this. King George II of Great Britain, dispatching his ambassadors to their destination, urged them to gather information on everything they would see in Russia. He specifically listed those the diplomats were to focus on: the Russian Empress, her ministers and other high-ranking officials, as well as courtiers and favourites. The British authorities were particularly interested in the state of the nation's armed forces. On their return home, the ambassadors were expected to give a detailed account of everything they had seen and heard at Court. Drawing on an analysis of the ambassadors' diplomatic correspondence with the British Secretary of State, as well as some of their essays, the author examines the problem of British ambassadors' intelligence activities at the court of Anna Ioannovna. As it turns out, the ambassadors collected information on the high-ranking dignitaries close to the Tsarina, their predilections and weaknesses; on the alignment of political powers at court, as well as on the state of the army and navy. Attention is drawn to the fact that the informants of diplomats were often not only Britons in Russian service, but more often high-ranking officials themselves, ready to defend British interests for the sake of monetary rewards or gifts. Few of them realised that by revealing secret information to British ambassadors, they were committing a high crime and harming their homeland. The history of British espionage in Russia in the first third of the eighteenth century, which has not previously been the subject of a special study in historical scholarship, reveals the real purpose of British diplomacy, namely to study the potential enemy, as it viewed the Russian Empire at that time.

**Keywords:** Britain, Russia, eighteenth century, Anna Ioannovna, diplomats, intelligence, army, navy, bureaucracy.

Российско-британские отношения, насчитывающие многовековой период (более 460 лет), нельзя назвать простыми. Нередко между странами возникали непреодолимые препятствия на пути к сотрудничеству, чаще всего из-за недружественной или даже враждебной политики со стороны Англии (попытки англичан колонизации Русского Севера в 1612 г.<sup>1</sup>; разрыв дипломатических отношений при Петре I; открытые военные конфликты – Крымская война 1853–1856 гг., интервенция Великобритании в Советской России в 1918 г. и т.д.). Одним из доказательств подобной политики может служить также разведывательная деятельность британских дипломатов, которую они сочетали с официальной дипломатической работой при царских дворах на протяжении XVI–XVIII вв. К указанной проблеме, к слову сказать, практически не изученной в исторической науке,

---

<sup>1</sup> Лабутина Т.Л. «Курьезный эпизод» в англо-русских отношениях: планы колонизации Русского Севера // Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С. 94–111.

автор обращался не раз<sup>2</sup>. Предлагаемая статья посвящена анализу разведывательной деятельности послов Великобритании при дворе Анны Иоанновны.

В 1728 г. для восстановления дипломатических отношений с Россией, прерванных Петром I, в Москву вместе с британским консулом Томасом Уордом прибыл его секретарь Клавдий Рондо<sup>3</sup>. После кончины Уорда в 1731 г. Рондо был назначен резидентом, получив следующие инструкции от короля Георга II: «Во время своего пребывания при дворе Ее Величества вы постараетесь ...осведомиться о намерениях и планах ее касательно всех дел: какие ею заключены трактаты, о чем ведутся ею переговоры с другими монархами и государствами, — и вообще о всех делах, могущих касаться наших интересов или как бы то ни было влиять на ход наших дел... При возвращении вашем в Великобританию надеемся получить от вас полный и совершенный письменный отчет обо всех наблюдениях, которые вам удастся сделать ...о способностях и наклонностях русских министров, об их стремлениях, взаимных отношениях, несогласиях... и вообще обо всем, что касается русского правительства и русских дел»<sup>4</sup>.

Практически дословно повторял свои инструкции Георг II другому дипломату — лорду Джорджу Форбсу, прибывшему в Россию в 1733 г. для подготовки к подписанию Торгового договора<sup>5</sup>. Не отличалась оригинальностью и заключительная часть королевских инструкций, касающаяся ожидаемого доклада от посла: «По возвращении вашем будем ожидать от вас полного и совершенного письменного отчета обо всем, что вам за время вашего пребывания в России удастся сделать при царском дворе»<sup>6</sup>. Отметим, что подобные инструкции для английских послов, направляемых в Россию, не претерпели каких-либо серьезных изменений на протяжении всего XVIII в. Они оставались таковыми и в правление королевы Анны Стюарт (1702—1714 гг.)<sup>7</sup>, и при короле Георге III (1760—1820 гг.)<sup>8</sup>. Как видно, шпионаж послов являлся обязательным атрибутом стратегии и тактики британской дипломатии в России в ту пору.

Задания по сбору разведывательных данных, полученные от короля, послы исполняли усердно. Что же их интересовало в первую очередь? Судя по их донесениям в Лондон, они прежде всего собирали информацию о высокопоставленных сановниках, приближенных к императрице, их пристрастиях и слабостях, о самой императрице Анне Иоанновне, о расстановке политических сил при дворе, а также о состоянии вооруженных сил Российской империи. На анализе дипломатической и частной переписки послов, в которых содержалась подобная информация, мы и собираемся остановиться в предлагаемой статье<sup>9</sup>.

---

<sup>2</sup> *Лабутина Т.Л.* Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 124—135; *Labutina T.L.* Charles Whitworth, the British Diplomat and Intelligence Officer, at the Court of Peter I // Social Sciences. 2011. Vol. 42. № 2. P. 43—55; *Ее же.* Британские разведчики в России (XVI—XVIII вв.) // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 389—411; *Ее же.* Британский морской офицер Джон Ден на службе у Петра I // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 177—188; *Ее же.* Британский посол Чарльз Уильямс и его секретная переписка с великой княгиней Екатериной Алексеевной // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 161—174; *Ее же.* Разведывательная деятельность послов в России // Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. С. 285—318.

<sup>3</sup> Подробнее о биографии К. Рондо и его дипломатической деятельности при дворе Петра II и Анны Иоанновны см.: *Лабутина Т.Л.* Великобритания и Россия на пути к восстановлению дипломатических отношений (1720—1731 годы) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 59—70.

<sup>4</sup> Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 66. СПб., 1889. С. 362—363.

<sup>5</sup> Там же. С. 577—580.

<sup>6</sup> Там же. С. 580—582.

<sup>7</sup> Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. С. 197—198, 221—222.

<sup>8</sup> Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. С. 286.

<sup>9</sup> Впервые к данной теме автор обратился, анализируя дипломатическую деятельность К. Рондо. См.: *Лабутина Т.Л.* Великобритания и Россия...

В первую очередь британцы уделяли особое внимание царствующим особам и их приближенным, министрам и придворным, также их интересовало все, что происходило при дворе. Между тем сбор подобной информации был небезопасен для дипломатов. Как писал Рондо госсекретарю лорду Гаррингтону 19 февраля 1737 г., «при господствующем при здешнем дворе произволе и варварстве, попадись случайно мое письмо в руки российских министров, я подвергся бы большой опасности. Тем не менее, раз Его Величеству угодно знать секретную жизнь здешнего двора, постараюсь передать все, что узнаю о ней, и нарисовать возможно верно характер лиц, стоящих у кормила правления»<sup>10</sup>. «Ваше превосходительство, поймете, — продолжал Рондо, — что верные характеристики царицы и ее министров потребуют некоторого времени... Подобные донесения требуют крайней осмотрительности и мне необходимо время, чтобы удостовериться в некоторых вещах, сообщаемых быть может лицами малосведущими или предубежденными. Как бы то ни было, приложу все старания дать вам подробные известия обо всем, что здесь делается, хотя есть предметы, о которых едва ли возможно и писать»<sup>11</sup>.

Естественно, что в первую очередь дипломаты делились своими впечатлениями об императрице. Любопытный портрет Анны Иоанновны представила супруга Клавдия Рондо — Джейн<sup>12</sup>. Она описала ее внешность и манеры поведения. Русская императрица «почти моего роста, — отмечала англичанка, — чрезвычайно полна, но, несмотря на это, хорошо сложена и движения ее свободны и ловки. Она смугла, волосы ее черны, а глаза темно-голубые; во взгляде ее есть что-то царственное, поражающее с первого раза. Когда же она говорит, то на губах ее является невыразимо приятная улыбка. Она много разговаривает со всеми и в обращении так приветлива, что, кажется, будто говоришь с равной себе; однако же она ни на минуту не теряет достоинства государыни». Говорит императрица только по-русски, но понимает и по-немецки<sup>13</sup>.

Вскоре леди Рондо удалось сблизиться с супругой фаворита императрицы — графа Э.И. Бирона, которая была большой любительницей вышивания и, узнав, что у англичанки имелось несколько вышивок собственной работы, пожелала их увидеть и пригласила ее к себе совместно поработать. Леди Рондо приняла приглашение «с удовольствием», как она поясняла, по двум причинам. «Во-первых, — писала она приятельнице, — господин Рондо, занимая настоящий пост, *может извлечь из этого выгоды* (выделено мною. — Т.Л.), и, во-вторых, мне представляется случай видеть царицу в такой обстановке, в какой иначе ее никак нельзя было бы видеть, потому что она постоянно проходит через ту комнату, в которой мы занимаемся рукодельем»<sup>14</sup>.

Англичанка подробно описывала свои встречи с императрицей: «Так как комнаты ее (императрицы. — Т.Л.) смежные с комнатами графини (Бирон. — Т.Л.), то она после обеда много раз приходит к нам... Иногда она садится за пядьцы, работает вместе с нами и много расспрашивает меня об Англии и в особенности обо всем, что касается королевы... По-видимому, она довольна, когда я стараюсь говорить с ней по-русски, и так милостива, что учит меня, когда я выражаюсь худо или затрудняюсь в разговоре... Во время ее присутствия у графини Бирон бывают обыкновенно пять или шесть дам и один или два придворных кавалера, которые ведут самый обыкновенный разговор. Иногда императрица принимает в нем участие как равная, сохраняя, однако, свое достоинство, но таким образом, что при этом не чувствуется никакого стеснения»<sup>15</sup>. Надо признать, что столь

<sup>10</sup> СИРИО. Т. 80. СПб., 1892. С. 104.

<sup>11</sup> Там же. С. 105.

<sup>12</sup> Подробнее о Джейн Рондо см.: *Лабутина Т.Л.* Леди Рондо при дворе Анны Иоанновны // *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. С. 287–309.

<sup>13</sup> Письма леди Рондо (жены английского резидента при русском дворе в царствование Анны Иоанновны) // *Записки иностранцев о России в XVIII столетии*. Т. I. СПб., 1874. С. 49–50.

<sup>14</sup> Там же. С. 63.

<sup>15</sup> Там же. С. 63–64.

подробного портрета императрицы, кроме леди Рондо, не представил ни один из дипломатов. Но самое главное, ее информация об Анне Иоанновне передавалась супругу, который вполне мог переслать полученные ею сведения в Лондон.

Особое место при характеристике сановников при царском дворе послы отводили министрам. Лорд Форбс, находившийся при дворе Анны Иоанновны в 1733–1734 гг., отмечал, что система управления в Российской империи «очень запутана и несовершенна, что приводит ко многим злоупотреблениям», плохо служит правительнице и «огорчает народ»<sup>16</sup>. Вот как он описывал устройство государственного аппарата Российской империи: «Русское министерство состоит из тех, кто входит в Кабинет, и тех, кто в него приглашается. Правительство зависит от воли и желания суверена». Иногда правительница по своему желанию советуется с Кабинетом, который издает законы и направляет ее резолюции Синоду — по церковным делам, Сенату — по гражданским и экономическим вопросам, коллегиям — по делам войны, правосудия, коммерции. В состав Кабинета входят три человека: канцлер граф Г.И. Головкин, «один из богатейших людей страны»; вице-канцлер, советник по внешней политике, немец из Вестфалии граф А.И. Остерман и князь А.М. Черкасский<sup>17</sup>.

Первоочередное место в депешах послов отводилось вице-канцлеру Андрею Ивановичу Остерману, что не было случайностью, поскольку именно с ним дипломатам приходилось вести все переговоры, так как он заведовал иностранными делами. Рондо признавал, что Остерман играл важную роль в управлении государством. «Здесь всякое дело, каково бы оно ни было, рано ли, поздно ли должно пройти через руки графа, — писал посол госсекретарю, — что крайне затрудняет и его, и других: и мне, и всякому, ведущему какие-либо переговоры с русским двором, очень трудно найти случай побеседовать с вице-канцлером»<sup>18</sup>. Рондо полагал, что барона Остермана будет «легко склонить» к дружбе с англичанами. «Меня уверяли, будто в кружке близких друзей он не раз и говаривал, что очень желал бы процветания торговли с Англией. Он, конечно, много может помочь нам»<sup>19</sup>. В «Записке о некоторых вельможах русского двора», написанной в 1730 г., Рондо подробно останавливался на биографиях вице-канцлера А.И. Остермана, канцлера графа Г.И. Головкина, князя А.М. Черкасского, генерал-фельдмаршала князя М.М. Голицына, генерала П.И. Ягужинского, князя В.В. Долгорукого, дипломата князя В.Л. Долгорукого и других сановников<sup>20</sup>. Лорд Форбс причислял к влиятельным чиновникам при дворе Анны Иоанновны также К.Г. Лёвенвольда и двух фельдмаршалов И.Ю. Трубецкого и Б.К. Миниха.

Особое место в депешах дипломаты, естественно, отводили Э.И. Бирону, занимавшему главное место в управлении Россией при Анне Иоанновне. Неудивительно, что англичане старались заручиться поддержкой фаворита императрицы. Наблюдая за усилением позиций Бирона при дворе, где он «полновластен», а значит «любезность по отношению к нему может оказать большие услуги», Рондо предлагал госсекретарю высказать Бирону в связи с его избранием герцогом курляндским «милостивый привет», что будет ему «чрезвычайно приятно» и может способствовать «любезному отношению» к торгующим в России английским подданным<sup>21</sup>. Рондо пояснял: герцог курляндский «сильно желает» получить от короля любезное поздравление по поводу своего избрания. Такое поздравление, полагал Рондо, могло бы принести большую пользу ввиду чрезвычайного

<sup>16</sup> Bitter M. Document George Forbes's "Account of Russia", 1733–1734 // Slavonic and East European Review. 2004. Vol. 82. № 4. P. 902.

<sup>17</sup> Ibid. P. 916.

<sup>18</sup> СИРИО. Т. 80. С. 506.

<sup>19</sup> Там же. С. 48.

<sup>20</sup> Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 году // Чтения московского общества истории и древностей. Кн. II. СПб., 1861. С. 1–19.

<sup>21</sup> СИРИО. Т. 80. С. 203–204.

влияния Бирона при дворе, «который начинает приобретать такое значение в делах Европы». И если король своим приветом приобретет «содействие герцога, он всегда в состоянии будет склонить царицу на любой шаг, полезный Великобритании или друзьям ее»<sup>22</sup>. И, судя по депеше от 1 октября 1737 г., в Лондоне прислушались к рекомендациям Рондо. В ней посланник сообщал, что посетил герцога курляндского и от имени короля поздравил его с избранием. «Не могу выразить, насколько приветствие это было приятно герцогу, — продолжал посланник. — Он в самых изысканных выражениях просил меня поблагодарить Его Величество за предупредительное внимание и заявил, что, с своей стороны, постарается пользоваться каждым случаем, дабы услужить королю, к которому — как я знаю — всегда питал и будет вечно питать глубочайшее уважение»<sup>23</sup>.

Надо отметить, что усиление позиций Бирона при дворе Анны Иоанновны вскоре сказалось и на его семье, прежде всего это относится к старшему сыну герцога — Петру. Так, для него по приказу императрицы в Петергофе построили небольшой форт «для развлечений и для обучения его военному делу». «Форт этот на прошлой неделе был атакован и взят в присутствии Ее Величества и всех представителей иностранных государств», — свидетельствовал Рондо<sup>24</sup>. Между тем амбиции герцога курляндского возрастали день ото дня: он задумал женить Петра на племяннице императрицы, принцессе мекленбургской (Анне Леопольдовне. — Т.Л.). Рондо полагал, что Бирону пришла в голову мысль о браке своего сына с нареченной наследницей русского престола, едва совершилось его избрание герцогом курляндским. Однако дипломат считал, что главным препятствием к браку представлялся возраст сторон: принцессе уже 20-й год, принцу же Петру едва минуло 14. «Для женитьбы он еще слишком молод», — полагал Рондо. Что же касается мнения русских людей на этот счет, то, на взгляд дипломата, «в настоящее время голос их так мало значит, что вряд ли во всей России найдется человек, который бы решился высказать малейшее неудовольствие по поводу брака в случае, если бы он совершился при жизни царицы»<sup>25</sup>. В то же время честолюбие герцога курляндского не знает пределов и «вряд ли он упустит возможность возвести сына в сан государя российского», если ему удастся сохранить расположение Ее Величества до совершеннолетия принца Петра, заключал дипломат<sup>26</sup>. Примечательно, что, допуская возможность отказа Бирона от женитьбы сына на принцессе мекленбургской, Рондо высказывал пожелание видеть ее замужем... за одним из английских принцев, полагая, что принцесса — «самая завидная невеста в мире»<sup>27</sup>. Как видно, дипломат вполне допускал, что в ту пору, когда при дворе господствовали иностранцы, для британцев существовала вполне реальная возможность породниться с царствующим Домом Романовых.

Характеризуя членов правительства Анны Иоанновны, Форбс приходил к закономерному выводу: «Всеми делами в государстве управляют графы Бирон, Лёвенвольде, Остерман. Русские ни в какой мере не участвуют в управлении»<sup>28</sup>. Больше всего дипломатов интересовало, кто из придворных мог быть полезен Англии. На взгляд Форбса, немногие представители знати, знающие английский язык, проявляют интерес к Англии. Большинство молодых придворных, которые в годы, предшествующие правлению императрицы, обучались во Франции или Германии, склоняются к французским интересам, но они пока не играют заметной роли при дворе. Интересы императрицы, по мнению Форбса, никакая партия не защищает, и даже немногие высокопоставленные вельможи, носящие титул тайных советников (родственник императрицы С.А. Салтыков, князь А.Б. Куракин, граф Г.И. Головкин), «не играют никакой

<sup>22</sup> Там же. С. 206.

<sup>23</sup> Там же. С. 208.

<sup>24</sup> Там же. С. 349.

<sup>25</sup> Там же. С. 363.

<sup>26</sup> Там же. С. 416.

<sup>27</sup> Там же. С. 362.

<sup>28</sup> *Bitter M. Op. cit. P. 919.*

значащей роли» во внутренней и внешней политике правительства, несмотря на то, что являлись русскими<sup>29</sup>.

Обращает на себя внимание тот факт, что дипломаты, давая оценки министрам и придворным, стремились выяснить, каким образом можно привлечь кого-либо из них на свою сторону для продвижения английских интересов. Таким проверенным способом им представлялся подкуп должностных лиц. В депеше госсекретарю от 12 января 1730 г. Рондо откровенно признавал: «Среди русских из ста человек не найдется ни одного, которого бы нельзя было купить, потому небольшая сумма, употребленная с толком, может... склонить русских к слепому исполнению всех желаний короля английского»<sup>30</sup>. Отметим, что подкуп высокопоставленных должностных лиц не ограничивался лишь денежными суммами. К примеру, зная о чрезвычайном интересе императрицы и ряда ее министров к английским лошадям, Рондо решил похлопотать, чтобы король согласился прислать несколько лошадей им в подарок. Он не сомневался, что такой подарок будет принят русским двором «с особенным удовольствием». Поскольку для вывоза из Англии племенных лошадей требовалось королевское разрешение, Рондо обращался с этой просьбой к Георгу II и был рад, что «Его Величество с полной готовностью согласен дать его, когда бы оно ни потребовалось»<sup>31</sup>.

Рондо приводил конкретные примеры, кого из сановников пытались подкупить. В депеше от 23 сентября 1732 г. он упоминал госпожу Лефорт, которая, чтобы склонить русский двор на сторону Франции и Польши, по приказу их королей, предлагала миллион крон графу Бирону и значительную сумму графу Остерману. Хотя Рондо считал, что оба сановника не дадут подкупить себя, в то же время полагал, что не лишне расположить графа Бирона в пользу англичан обычным способом. «С деньгами в России можно делать почти, что угодно», — заключал он<sup>32</sup>.

Руководство внешнеполитического ведомства Великобритании было довольно поступавшей от послов информацией. Лорд Гаррингтон в январе 1737 г. писал Рондо: «Сведения и вообще некоторые подробности о секретной жизни двора далеко не лишены интереса, так как дают возможность судить о настоящем положении и условиях его, а также о характере лиц, его составляющих»<sup>33</sup>.

Между тем больше всего официальный Лондон интересовала информация о состоянии вооруженных сил Российской империи. Неудивительно, что в депешах послы отводили этому вопросу значительное место. Так, Рондо с первых шагов своего пребывания в Москве задался целью известить госсекретаря о российском флоте. «Буду прилагать всяческое старание сообщать вашему превосходительству возможно точные известия, — писал он госсекретарю. — Списка русского флота мне получить еще не удалось; надеюсь, однако, получить его вскоре»<sup>34</sup>. Впрочем, даже беглое знакомство с флотом заставило Рондо признать, что Россия, как бы она ни была разорена, «пока еще в состоянии защищаться против соседей»<sup>35</sup>.

Спустя неделю Рондо докладывал госсекретарю, что получил список русских кораблей, фрегатов, шняв, бомбардирских и плоскодонных судов, но списка галер добыть ему еще не удалось. Состояние кораблей, «красующихся на виду в Кроншлоте и других русских портах», дипломату показалось удовлетворительным, хотя те суда, что были построены до 1721 г., представлялись ему «негодными».

Прошло несколько месяцев, прежде чем Рондо направил в Лондон подробный список русских галер, который достался ему «с большим трудом». На взгляд дипломата, это были

<sup>29</sup> Ibid. P. 919–920.

<sup>30</sup> СИРИО. Т. 66. С. 124.

<sup>31</sup> Там же. С. 342–343.

<sup>32</sup> Там же. С. 508–509.

<sup>33</sup> Там же. Т. 80. С. 98.

<sup>34</sup> Там же. Т. 66. С. 15.

<sup>35</sup> Там же. С. 19.

единственные суда, внушающие Швеции опасения в случае войны с Россией. «Все галеры, построенные более, чем за три—четыре года, или гнили, или вовсе негодны». В том же донесении Рондо отмечал, что, судя по тому, что на верфях «в постройке постоянно находится множество галер», правительство намерено поддерживать галерный флот<sup>36</sup>.

Свою информацию Рондо дополнял конкретными сведениями о военных кораблях русского флота (название корабля, число орудий, когда и где построен, куплен в Англии и в каком году, взят у шведов при военных действиях и в каком году, кем построен). Особо он подчеркивал, что ряд кораблей («Нептун», «Св. Александр», «Ревель», «Москва», «Ингерманланд», «Выборг», «Виктория», «Полтава») находятся в очень плохом состоянии. Практически все они были либо построены английскими мастерами (Ноем, Козенцем, Броуном, Рамзеем), либо закуплены в Англии. Рондо обращал внимание на то, что многие военные корабли, построенные в Архангельске и других местах, «утрачены или разломаны»<sup>37</sup>.

Столь же обстоятельно Рондо перечислял фрегаты русского флота. Он сообщал об их количестве, числе орудий на их борту, месте и времени постройки или приобретения в Англии или Голландии, а также английских мастерах (Ное и Рамзее), которые участвовали в строительстве двух фрегатов<sup>38</sup>. Особое внимание дипломат уделял вооружению кораблей. Так, 30 мая 1729 г. он направил в Лондон список русских судов, снаряженных к плаванию и вооруженных орудиями: «Петр I» имеет 100 пушек, «Петр II» — 54 пушки, «Наталия» — 66 пушек, «Шлиссельбург» — 66 орудий, «Принц Евгений» — 50 орудий, «Россия» — 32 пушки<sup>39</sup>.

Надо отметить, что Рондо внимательно наблюдал за действиями российского правительства, направленными на улучшение состояния флота. 3 февраля 1733 г. он сообщил в Лондон обстоятельную информацию о деятельности комиссии, учрежденной императрицей «для приведения в порядок русского флота», который после кончины Петра I, на взгляд посланника, «находился в крайнем пренебрежении». Несмотря на то, что в Кронштадте красуется более 30 военных кораблей, едва пять—шесть из них способны выйти в море, писал он. Учитывая это, государыня решила построить несколько военных кораблей в Петербурге и два — в Архангельске. Корабельный мастер англичанин Козенц, состоящий на русской службе, днями должен выехать в Архангельск для постройки двух упомянутых кораблей. Впрочем, Рондо не сомневался, что от постройки этих судов толку будет мало, поскольку главные трудности, с которыми сталкивается русский флот, это недостаток в хороших морях. Таковых «едва ли хватит теперь даже на упомянутые пять—шесть кораблей», констатировал посланник<sup>40</sup>.

Между тем заботы российского правительства о флоте не ослабевали в правление Анны Иоанновны<sup>41</sup>. 5 мая 1733 г. Рондо докладывал лорду Гаррингтону: «Прошлый понедельник государыня приезжала в Адмиралтейство на спуск 64-х пушечного корабля, построенного англичанином Ноем и названного “Надежда России”. Одновременно в присутствии Ее Величества спустили другой небольшой корабль в 16 пушек»<sup>42</sup>. Спустя месяц посол извещал госсекретаря о снаряжении в Кронштадте девяти или десяти военных кораблей и четырех фрегатов, которые под командой адмирала Гордона выйдут в Финский залив «для упражнения матросов»; два фрегата с той же целью пройдут до Архангельска,

<sup>36</sup> Там же. С. 35.

<sup>37</sup> Там же. С. 621—623.

<sup>38</sup> Там же. С. 624.

<sup>39</sup> Там же. С. 629.

<sup>40</sup> Там же. С. 550—551.

<sup>41</sup> Подробнее об этом см.: Орлов А.А. «Флот есть важное дело и дело великого иждивения». Донесение контр-адмирала лорда Дuffy императрице Анне Иоанновне о состоянии балтийского флота в 1732 году // Политика истории. К 70-летию доктора исторических наук Марины Павловны Айзенштат. М., 2021. С. 189—199.

<sup>42</sup> СИРИО. Т. 66. С. 599.

а остальные два — на остров Мэй или в Лиссабон за солью и «в видах упражнения экипажей». 28 мая Ее Величество присутствовала в Адмиралтействе при спуске двух фрегатов: один из них — «Митава», снаряженный 32-мя пушками, а другой — 36-ти пушечный, выстроенный по французскому образцу, «Принцесса Анна»<sup>43</sup>. В ноябре 1736 г. Рондо сообщал в Лондон о спуске на воду еще двух военных кораблей «Астрахань» и «Азов» с 54 пушками на борту каждого из них<sup>44</sup>. 13 июня 1737 г. был спущен корабль «Императрица Анна», вооруженный 120 пушками. Рондо полагал, что этот корабль «послужит большим украшением Кронштадту, но вряд ли когда-нибудь выйдет оттуда, так как такие большие суда в здешних водах непригодны»<sup>45</sup>. Спустя неделю, на этом судне императрица давала обед на 200 персон для «знатных особ» и всех представителей иностранных государств. Вечером там же был устроен бал. 1 мая 1739 г. Рондо сообщал о снаряжении в Кронштадте военного корабля в 100 пушек и второго — в 64 пушки, а также 32-х пушечного фрегата, готовых к выходу в море<sup>46</sup>. Неудивительно, что столь исчерпывающая информация посланника о состоянии российского флота заслужила «милостивого одобрения» самого короля<sup>47</sup>. Приведенные свидетельства Рондо позволяют также заключить, что императрица Анна Иоанновна уделяла большое внимание состоянию флота и не жалела средств на его строительство.

В своем «Очерке о России» лорд Форбс отмечал, что численность служащих российского флота составляла в 1734 г. 17 820 человек. В их состав входили 7305 моряков, 5200 солдат, а также плотники и конопатчики. Посол обращал внимание на то, что среди подданных императрицы немного тех, кто пригоден к мореплаванию, и что моряков явно не хватает. А учитывая, что суда активны лишь три–четыре летних месяца, то офицеры не имеют достаточной практики, за исключением иностранцев. «Их суда прекрасные и большие и, по всей вероятности, хорошо и умело построены, — свидетельствовал Форбс, — но быстро приходят в негодность из-за снега и морозов». Посол также подчеркивал, что все виды материалов, используемых для строительства судов, производятся в России. В 1733 г. российский флот состоял из 30 судов и фрегатов<sup>48</sup>.

Не меньше внимания британские послы уделяли и российской армии. 25 апреля 1732 г. Рондо с оптимизмом докладывал лорду Гаррингтону, что в скором времени России «понадобятся очень значительные партии сукна, так как государыня решила содержать впредь постоянно трехсоттысячную армию (теперь, как уверял меня фельдмаршал Миних, она состоит приблизительно из двухсот пятидесяти тысяч регулярного войска)»<sup>49</sup>. Удовлетворение от полученного известия Рондо испытывал потому, что закупать сукно для обмундирования армии в таком количестве предполагалось исключительно у англичан.

Как известно, в российской армии служило немало иностранных офицеров. Они получали неплохое жалованье, что привлекало, по мнению Рондо, «множество иноземных офицеров искать службы». Посланник писал госсекретарю, что «многие из них пристроились, но государыня, видя, что число их возрастает с каждым днем», приказала фельдмаршалу Миниху объявить, что «в большем количестве офицеров она не нуждается, что их и так принято гораздо более, чем следовало»<sup>50</sup>.

В марте 1733 г. Рондо внимательно следил за передвижением русских войск, готовых выдвинуться в Польшу в случае, «если бы поляки избрали (на вакантный пост польского

<sup>43</sup> Там же. С. 610–611.

<sup>44</sup> Там же. Т. 80. С. 73.

<sup>45</sup> Там же. С. 159.

<sup>46</sup> Там же. С. 468.

<sup>47</sup> Там же. Т. 66. С. 558.

<sup>48</sup> Как отмечал издатель «Очерка» Форбса М. Биттер, дипломат приводил названия каждого судна и количество орудий на них // *Bitter M.* Op. cit. P. 915–916.

<sup>49</sup> СИРИО. Т. 66. С. 448.

<sup>50</sup> Там же. С. 475–476.

короля. — Т.Л.) лицо, неприятное Ее Величеству и ее союзникам». К своей депеше он присоединил также список войск, общая численность которых на тот момент составляла 56 968 человек<sup>51</sup>. В ответном послании госсекретарь сообщал, что король «принял к сведению» информацию Рондо и просил его быть «внимательным ко всему, что относится до этого обстоятельства. Сбирать самые точные справки о каждом решении, о каждом шаге русского двора, не пренебрегая никаким случаем к доставлению ...постоянных и правильных донесений»<sup>52</sup>.

Особое внимание рассмотрению состояния российской армии уделил лорд Форбс. «Суверен может обязать любого подданного служить, — подчеркивал посол. — В прошлом (1733. — Т.Л.) году было поставлено под ружье 50 000 солдат и взято на службу 25 000 лошадей». Подданные императрицы обязаны сами приобретать экипировку, не получая помощи от правителя, так как это является существенной статьей расходов годового дохода страны. Форбс удивлялся тому, каким образом царь Петр I в свое время при умеренном годовом доходе мог вести «дорогостоящие войны за границей и расходовать чрезмерные средства на работы в стране». На его взгляд, деспотическое правительство, существующее в России, «располагает большими ресурсами и может делать то, что не под силу другим государствам»<sup>53</sup>. По подсчетам Форбса, при Анне Иоанновне расходы на армию составили 4 млн руб. и на флот — 1 млн 200 тыс. руб.<sup>54</sup>

Освещая положение дел в российской армии, Форбс пришел к заключению, что «регулярные наземные войска непропорционально расположены на территории страны и вдоль ее границ», однако они «превосходят по количеству и силе армии своих соседей, не знают усталости, отважны, дисциплинированы и боятся своих офицеров больше, чем врага, у них недостаточно своих офицеров и чаще всего они нанимают на эти должности иностранцев»<sup>55</sup>. Что касается кавалерии, то, на его взгляд, она состоит из «маленьких неутомимых лошадей, более пригодных для путешествий, чем для строя в эскадроне». И хотя у русских нет «высокоростных лошадей и хороших наездников, тем не менее они готовы в любой момент спешиться и вступить в бой»<sup>56</sup>. Кроме того, русская армия обладает «очень большой и прекрасной артиллерией», которая хорошо управляется, а ее магазины наполнены всем необходимым для армейских нужд.

Остановился Форбс и на снабжении армии. Он отмечал, что войска меняют форму раз в три года, а одна треть — ежегодно (по-видимому, к последним он причислял гвардейцев императрицы. — Т.Л.). Мундиры воинов зеленого цвета, что позволяет их хорошо различать на поле боя. Каждый солдат получает в месяц 1,5 бушеля муки и 58 коп., так что расходы государства на каждого из них составляют около 1,5 руб. в месяц. Офицеры к тому же снабжаются деньгами на муку и одежду, а также на соль и просо. К сказанному Форбс разместил информацию о каждом из полков с указанием количества личного состава в каждом из них<sup>57</sup>.

Судя по переданной в Лондон послами информации, они активно собирали сведения при дворе Анны Иоанновны. Но каким образом им удавалось это делать? Кто являлся информатором британских дипломатов в нашей стране? Как выясняется, самым главным источником для получения секретной информации для англичан становились министры и придворные Анны Иоанновны. Так, Рондо очень быстро разобрался в расстановке сил при дворе и пользовался любой возможностью, чтобы войти в доверие к тем сановникам,

<sup>51</sup> Там же. С. 660–662.

<sup>52</sup> Там же. С. 572–573.

<sup>53</sup> *Bitter M.* Op. cit. P. 914.

<sup>54</sup> *Ibidem.*

<sup>55</sup> *Ibid.* P. 915.

<sup>56</sup> *Ibidem.*

<sup>57</sup> Автор публикации источника М. Биттер не приводит эти данные, ограничиваясь подсчетами Форбса общего количества войск русской армии в 216 671 человека // *Bitter M.* Op. cit. P. 915.

которые могли поделиться с ним такой информацией. Чаще всего ими являлись высокопоставленные чиновники, которые были «особенно расположены к англичанам», как, например, П.И. Ягужинский и Голицыны. В депеше госсекретарю от 17 сентября 1730 г. Рондо прямо называл их имена, подчеркивая, что эти люди знают, что «России выгодно жить в дружбе» с Англией<sup>58</sup>. Особенно Рондо заинтересовался Ягужинским после того, как тот занял пост генерал-прокурора. «Теперь Ягужинский первое по власти лицо после Ее Величества, — докладывал посланник госсекретарю 8 октября 1730 г. — Он вправе войти в любую коллегия и пересмотреть в ней все дела; коллегия должна слушаться его приказаний; даже Сенат не может предпринять ничего без его согласия. Обо всем замеченном он докладывает Ее Величеству... Надеюсь, что ваше превосходительство с радостью узнаете о его повышении, так как он всегда был особенно расположен к нам ...Ягужинский... не сомневается в восстановлении прежних добрых отношений между Великобританией и Россией»<sup>59</sup>.

Восхищаясь Ягужинским, Рондо в то же время сокрушался, что среди министров мало тех, кто симпатизировал англичанам. «Все же особенно досадно то, что среди всех лиц, стоящих у кормила, только Павел Иванович Ягужинский может считаться нашим действительным другом», — докладывал Рондо лорду Гаррингтону 4 января 1731 г.<sup>60</sup>

Не ограничиваясь министрами, Рондо предлагал привлечь на свою сторону фаворитов императрицы. «Не могу не высказать убеждения, что, вздумай наш двор... сделать шаг к привлечению фаворитов на свою сторону, мы в состоянии были бы парализовать все старания венского двора, который... действует здесь исключительно подкупом», — отмечал Рондо<sup>61</sup>. И вскоре посланник сумел добиться расположения самого могущественного из фаворитов Анны Иоанновны — Э.И. Бирона. 13 июля «я имел честь видиться с обер-камергером, графом Бироном, который... при всяком случае оказывает мне явное расположение, — писал Рондо лорду Гаррингтону 15 июля 1732 г. — Лыщу себя надеждой, что вашему превосходительству приятно будет узнать, что я пользуюсь такой милостью графа Бирона, который здесь самая могущественная личность после Ее Величества»<sup>62</sup>.

Судя по переписке Рондо с госсекретарем, посланнику действительно удалось войти в доверие к графу, что порадовало его руководство. «Его Величеству очень приятно видеть доверие, оказываемое вам графом Бироном», — извещал посланника госсекретарь и далее инструктировал: «Продолжайте поддерживать его расположение всеми мерами»<sup>63</sup>. В ответ Рондо заверял руководство, что «всячески постарается» сохранить дружбу графа, который относится к нему «чрезвычайно милостиво»<sup>64</sup>. Благодаря подобной «дружбе», Рондо узнал от Бирона подробности такого важного события, как взятие Очакова, а также о переговорах о мире с Турцией в Немирове, о которых герцог сообщил посланнику «конфиденциально»<sup>65</sup>.

О событиях русско-турецкой войны 1735–1739 гг. секретной информацией делились с Рондо и другие высокопоставленные лица, в том числе фельдмаршал Миних. Так, он сообщил англичанину о численности российской армии («приблизительно из двухсот пятидесяти тысяч регулярного войска») <sup>66</sup>. После прибытия из расположения войск в столицу в декабре 1737 г. граф Миних поспешил представиться императрице. «С тех пор, — сообщал Рондо госсекретарю, — я имел честь видиться с ним, и мы долго разговаривали о настоящем положении дел»<sup>67</sup>.

<sup>58</sup> СИРИО. Т. 66. С. 234.

<sup>59</sup> Там же. С. 239–241.

<sup>60</sup> Там же. С. 273.

<sup>61</sup> Там же. С. 274.

<sup>62</sup> Там же. С. 482.

<sup>63</sup> Там же. Т. 80. С. 50–51.

<sup>64</sup> Там же. С. 64.

<sup>65</sup> Там же. С. 171, 215.

<sup>66</sup> Там же. Т. 66. С. 448.

<sup>67</sup> Там же. Т. 80. С. 250.

Не только Миних, но и фельдмаршал Леси оказывал Рондо определенные услуги. Он снял «чрезвычайно интересную карту той местности (где предстояло сражение. — *Т.Л.*) и любезно дал мне копию с нее», информировал посланник госсекретаря, обещая ему ее переслать, «так как в случае продолжения войны без такой карты ни королю, ни кому бы то ни было нельзя будет проследить, где находится русская армия»<sup>68</sup>.

Информацией о военных действиях делились с послами и министры. Так, граф Остерман сообщил Рондо о движении турок с целью захвата Очакова, а также добавил, что русский гарнизон, расположенный в крепости, состоит из 8 полков, которые в полном составе образуют 10-тысячный корпус<sup>69</sup>. Вице-канцлер также позволял Рондо снимать копии с документов, предупреждая, чтобы он не упоминал об этом никому<sup>70</sup>.

Донесения Рондо о военных событиях и состоянии армии и флота особенно интересовали правительство Великобритании. Лорд Гаррингтон, направляя письмо Рондо 1 июля 1737 г., сообщал, что король «с удовольствием» читает его известия «обо всем, касающемся мира и войны». А затем инструктировал: «Не стесняйтесь (использовать шифр), когда ведете речь о каком-либо текущем деле: ваши письма, идя издалека, проходят через столько рук!»<sup>71</sup>. Следует обратить внимание на то, что Рондо не всегда называл имена своих информаторов. Нередко в его депешах вообще не указывались фамилии: «мне под большим секретом передавали»; «из многих бесед со здешними министрами вижу»; «по некоторым секретным известиям, полученным мною из армии», и т.д.<sup>72</sup> 4 июля 1738 г. Рондо извещал лорда Гаррингтона, что «один добрый приятель» сообщил ему, что Сенат постановил «немедленно созвать 40 тыс. рекрут. Если придется двинуть в эту сторону гарнизоны из городов внутренней России, рекруты займут их место»<sup>73</sup>. Надо признать, что посланник дорожил своими информаторами. Так, извещая Гаррингтона, что его «тайный друг» сообщил какое-то важное сведение, дипломат просил госсекретаря пользоваться им таким образом, чтобы нельзя было понять, кто информатор. «Оно может повлечь за собой гибель моего друга», — высказывал свои опасения Рондо<sup>74</sup>. И Гаррингтон в ответной депеше спешил заверить посланника: «Можете быть уверены, что сообщением, сделанным вашим тайным другом, мы воспользуемся так, чтобы отнюдь не повредить ему; можете положиться на то, что и впредь подобные предосторожности будут принимаемы по поводу каждого известия, которое вам удастся добыть тем же путем о делах русского двора»<sup>75</sup>.

Среди информаторов Рондо были и женщины, одна из которых — его собственная супруга. Мы помним, что Джейн близко сошлась с герцогиней курляндской, супругой Бирона, а также часто виделась с императрицей. Естественно, что она могла стать невольной свидетельницей приватных разговоров Анны Иоанновны с министрами. Учитывая данное обстоятельство, Клавдий Рондо, отправляя жену «ввиду расстроенного здоровья» в Лондон «для совещания с врачами», писал лорду Гаррингтону: «Так как она прожила здесь (в России. — *Т.Л.*) 9 лет и со всеми знакома при здешнем дворе, королеве, быть может, угодно будет повидать ее. В таком случае не потрудитесь ли, ваше превосходительство, сообщить ...о желании королевы, дабы жена могла явиться к Ее Величеству и ответить на все вопросы, которые будут ей милостиво поставлены»<sup>76</sup>.

<sup>68</sup> Там же. С. 273.

<sup>69</sup> Там же. С. 225, 227.

<sup>70</sup> Там же. С. 322.

<sup>71</sup> Там же. С. 162.

<sup>72</sup> Там же. С. 325, 227, 352.

<sup>73</sup> Там же. С. 324.

<sup>74</sup> Там же. С. 300.

<sup>75</sup> Там же. С. 341.

<sup>76</sup> Там же. С. 159–160.

Итак, как мы могли убедиться, разведывательная деятельность британских послов велась, и довольно успешно, по заданию правительства Великобритании. Свою информацию дипломаты получали из различных источников, но самым главным для них становились первые лица в государстве: министры и высокопоставленные чины в армии. Полученная от них секретная информация чаще всего поощрялась материально (деньгами и дорогостоящими подарками). И мало кто из высокопоставленных чиновников задумывался над тем, что, сообщая подобные сведения иностранным послам, они тем самым совершали государственное преступление, нанося вред своему Отечеству. Что же касается английских послов, то своей разведывательной деятельностью, осуществляемой по заданию правительства Великобритании, они убедительно доказали, что политика британской дипломатии, проводимая по отношению к России в первой трети XVIII в., была далеко не дружественной, а шпионаж превращался в постоянный атрибут их профессии.

### Библиография

Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 году // Чтения московского общества истории и древностей. Кн. II. СПб., 1861. С.1–19.

Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019.

Лабутина Т.Л. Британские разведчики в России (XVI–XVIII вв.) // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 389–411.

Лабутина Т.Л. Британский посол Чарльз Уильямс и его секретная переписка с великой княгиней Екатериной Алексеевной // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 161–174.

Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

Лабутина Т.Л. Великобритания и Россия на пути к восстановлению дипломатических отношений (1720–1731 годы) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 59–70.

Орлов А.А. «Флот есть важное дело и дело великого изживания». Донесение контр-адмирала лорда Дюффуса императрице Анне Иоанновне о состоянии балтийского флота в 1732 году // Политика истории. К 70-летию доктора исторических наук Марины Павловны Айзенштат. М., 2021. С. 189–199.

Письма леди Рондо (жены английского резидента при русском дворе в царствование Анны Иоанновны) // Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т. I. СПб., 1874. С. 49–50.

Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 66. СПб., 1889; Т. 80. СПб., 1892.

Bitter M. Document George Forbes's "Account of Russia", 1733–1734 // Slavonic and East European Review. 2004. Vol. 82. № 4. P. 886–919.

### References

Labutina T.L. Britanczy' v Rossii v XVIII veke [The British in Russia in the 18<sup>th</sup> century]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskie diplomaty' i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie [British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskie razvedchiki v Rossii (XVI–XVIII vv.) [British intelligence officers in Russia (16<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> centuries)] // Mnogolikost' celogo: iz istorii civilizacij Starogo i Novogo sveta. Sbornik statej v chest' Viktora Leonidovicha Mal'kova [The diversity of the whole: from the history of civilizations of the Old and New World. Collection of articles in honor of Viktor Leonidovich Malkov]. Moskva, 2011. S. 389–411. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskij posol Charl'z Uil'yams i ego sekretnaya perepiska s velikoj knyaginej Ekaterinoj Alekseevoj [British Ambassador Charles Williams and his secret correspondence with Grand Duchess Ekaterina Alekseevna] // Novaya i novejšhaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2014. № 4. S. 161–174. (In Russ.)

Labutina T.L. Velikobritaniya i Rossiya na puti k vosstanovleniyu diplomaticheskikh otnoshenij (1720–1731 gody) [Great Britain and Russia on the way to the restoration of diplomatic relations (1720–1731)] // Novaya i novejšhaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 4. S. 59–70. (In Russ.)

Orlov A.A. "Flot est' vazhnoe delo i delo velikogo izhdiveniya". Donesenie kontr-admirala lorda Duffusa imperatrice Anne Ioannovne o sostoyanii baltijskogo flota v 1732 godu ["The fleet is an important matter and a matter of great dependence". Report of Rear Admiral Lord Duffus to Empress Anna Ioannovna on the state

of the Baltic Fleet in 1732] // *Politika istorii. K 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk Mariny Pavlovny Ajzenshtat* [Politics of History. To the 70<sup>th</sup> anniversary of the Doctor of Historical Sciences Marina Pavlovna Eisenstatt]. Moskva, 2021. S. 189–199. (In Russ.)

Pis'ma ledi Rondo (zheny angliyskogo rezidenta pri russkom dvore v tsarstvovanii Anny Ivanovny [Letters from Lady Rondo (the wife of an English resident at the Russian court during the reign of Anna Ivanovna] // *Zapiski inostrantsev o Rossii v XVIII stoletii* [Notes of foreigners about Russia in the 18<sup>th</sup> century]. T. 1. Sankt-Peterburg, 1874. S. 49–54. (In Russ.)

Sbornik imperatorskogo rossiyskogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T. 66. Sankt-Peterburg, 1889; T. 80. Sankt-Peterburg, 1892. (In Russ.)

Zapiska o nekotorykh vel'mozhakh russkogo dvora v 1730 godu [A note about some noblemen of the Russian court in 1730] // *Chteniya moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Readings of the Moscow Society of History and Antiquities]. Book II. Sankt-Peterburg, 1861. S. 1–19. (In Russ.)

*Bitter M.* Document George Forbes's "Account of Russia", 1733–1734 // *Slavonic and East European Review*. 2004. Vol. 82. № 4. P. 886–919.